

Раздольский Роман Григорьевич

ИЗ ВОСЕМНАДЦАТИ В ЖИВЫХ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ДВОЕ

Родился 21 декабря 1923 года в г. Казань. Национальность — еврей. К религиозным вероисповеданиям себя не отношу. Член КПСС с 1943 года. До того был комсомольцем. В других общественных организациях не состоял.

Перед войной окончил среднюю школу в Ленинграде и 19 июня 1941 года подал документы на поступление в Ленинградское артиллерийское техническое училище (ЛАТУ).

О начале войны узнал 22 июня 1941 года в Ленинграде. В этот день мы, группа одноклассников, получили удостоверения о зачислении нас курсантами ЛАТУ и о предоставлении месячного отпуска. Настроение было бодрое. Первая мысль — проситься добровольцем на фронт. Во-первых, так мы были воспитаны: наша страна самая могущественная, наша армия непобедима. Наш лозунг звучал так: «Чужой земли мы не хотим, но и своей ни пяди не отдадим. Врага будем бить на его территории». Во-вторых, мы были достаточно подготовлены к службе в ар-

мии: умели стрелять из ручного оружия, знали, как бороться с зажигательными бомбами, умели оказать первую помощь при ранении, знали элементарные приемы ведения боя. Всему этому нас обучали в школе. Кроме того, мы участвовали в боевых играх «Юной Армии», названных в последствии «Зарницей». Да еще мы хорошо знали о войне в Испании, а финскую кампанию 1940 года пережили вместе со всеми ленинградцами. Наш самодеятельный коллектив выезжал с концертами в воинские части и госпитали, где мы видели и чувствовали боевую атмосферу.

Через несколько дней после начала войны, 25 или 26 июня 1941 года, нас повесткой вызвали в училище и отправили в лагерь под г. Луга. Там мы прошли курс молодого бойца и вскоре были направлены во второй эшелон обороны. В обороне мы были недолго: чьи-то умные головы военного командования догадались, что потери в бою курсантов, особенно старших курсов, наверняка скажутся на неуккомплектованности армии офицерским составом. Нас вернули в Ленинград.

Первая бомбежка Ленинграда, если мне не изменяет память, произошла 9 сентября 1941 года, а уже 10 сентября 1941 года мы выезжали в эвакуацию, в Ижевск. До вокзала, по городу, мы ехали на лафетах орудий. Ленинградцы останавливались и провожали нас, думая, что мы следуем на фронт. Нам было очень обидно и стыдно перед земляками за такой невольный обман.

Забегая вперед, стоит сказать о том, что допризывная подготовка в школе в Ленинграде стала позднее, возможно, одним из факторов выживания на фронте. Если верить статистике, что 97% молодых людей 1923-1924 годов рождения погибли на войне, то именно благодаря школьной военной подготовке и курсу молодого бойца в училище я оказался в числе 3% тех, кто выжил.

Начало боевых действий для меня связано с наступлением нашей армии в июле 1942 года под Ржевом. После окончания училища, в марте 1942 года я был направлен в формирующуюся в то время 139-ю стрелковую дивизию, в г. Чебоксары в должности артиллерийского техника 718-го стрелкового полка в звании младшего воентехника.

После обучения личного состава, экипировки и проведенных маневров, дивизия была отправлена на фронт, где 29 — 30 июля 1942 года вступила в боевые действия.

Мой боевой путь проходил только в Западном направлении. Менялись лишь названия фронтов. Всю войну я прошел в соста-

ве 139-й стрелковой дивизии через следующие населенные пункты: село Харино (август 1942 г.), г. Зубцов (август 1942 г.), г. Киров (август 1943 г.), Безымянная высота (13-14 сентября 1943 г.), г. Рославль (29 сентября 1943 г.), м. Ленино (июнь 1944 г.), р. Проня, р. Днепр (июнь 1944 г.), г. Могилев (28 июня 1944 г.), р. Неман (июль 1944 г.), г. Остроленка (сентябрь 1944 г.), г. Ломжа (сентябрь 1944 г.), г. Пфаффендорф (январь 1945 г.), р. Висла (март 1945 г.), г. Данциг (март 1945 г.), р. Одер, г. Шведт (апрель 1945 г.), г. Грабов (3 мая 1945 г.).

В ходе боев в составе 718-го стрелкового полка (командир полка майор А.П. Моденов) 139-й стрелковой дивизии принимал участие в освобождении города Зубцов Калининской области (20—23 августа 1942 г.). После успешной операции по освобождению города Рославль Смоленской области (29 сентября 1943 г.) дивизии было присвоено наименование Рославльской стрелковой дивизии. Командиром дивизии был полковник И.К. Кириллов, командиром полка — подполковник Е.Г. Салов. Принимал также участие в освобождении г. Могилев в Белоруссии (28 июня 1944 г.) также в составе 718-го стрелкового полка 139-й Рославльской стрелковой дивизии. В бою за город Могилев был убит командир полка Е.Г. Салов.

Боевые действия закончил в городе Грабове на р. Эльба 3 мая 1945 года в составе 354-го артиллерийского полка 139-й Рославльской Краснознаменной Ордена Суворова стрелковой дивизии в должности начальника артиллерийской мастерской полка, в звании старший лейтенант технической службы. Командиром полка был подполковник Макаров, зам. по политчасти — майор Макаров. Полк в шутку называли «дважды макаровский». Моим непосредственным начальником был капитан технической службы Приходько — начальник артснабжения полка.

Был ранен в бою 18 марта 1943 года в грудь, сквозное тяжелое пулевое ранение. Лечение проходил в эвакуационном госпитале в г. Кулебаки Горьковской области. По излечении вернулся в свой 718-й стрелковый полк.

После войны служил в различных частях и соединениях Советской Армии до декабря 1956 года. Уволен в запас в звании капитана технической службы. К 55-летию Дня Победы присвоено звание — майор. После увольнения из армии проживаю в Москве. Последнее место работы — научно-исследовательский

проектный институт «Мосгипронисельстрой» в должности главного инженера территориальной мастерской.

Награжден:

— орден Красной Звезды (№ 528315 — 1 августа 1944 года. Приказом командира 139 стр. дивизии. Вручал командир дивизии генерал-майор И.К. Кириллов. Награжден за отличное обеспечение боеприпасами в боях за освобождение Белоруссии);

— медаль «За боевые заслуги» (б/н), апрель 1945 год. Приказом командира 354 артиллерийского полка. Вручал зам. командира полка по политчасти майор Макаров. Награжден за бесперебойное обеспечение действий артиллерийских орудий при форсировании р. Одер;

— орден Красной Звезды (№ 3509386), 1951 год. За безупречную долголетнюю службу в Вооруженных Силах СССР. Вручал командир военной базы № 122 полковник Соломатников);

— орден Отечественной войны I степени № 1037670. Указ Президиума ВС СССР от 11.03.1985 года. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в Великой Отечественной войне);

— медали: «За Победу над Германией», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда»; «30 лет Советской Армии», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «70 лет Вооруженных Сил СССР»; «Жукова», «В память 850-летия Москвы».

Во время войны мои близкие родственники остались живы: отец — Раздольский Григорий Михайлович, рядовой Ленинградского ополчения. Награжден медалью «За оборону Ленинграда»; младший брат — Раздольский Эдуард Григорьевич, рожд. 1929 г., был эвакуирован из Ленинграда в Казань.

Никаких публикаций не имею.

Никаких мемуаров ранее не писал.

С воспоминаниями о войне выступаю в школах, в других учебных заведениях, в воинских частях.

Помогаю в работе музея школы №1268 «Боевой путь 139-й стрелковой дивизии».

Короткие эпизоды с войны

Ощущение боевых действий появилось сразу на марше в районе д. Харино, в июле 1942 года. Наш полк двигался по ровному полю. На поверхности вдоль дороги не видно было ни бугорка, ни ямки, лишь редкие кустики. Неожиданно высоко в небе появились самолеты. Все подняли головы вверх, но опознавательных знаков разглядеть не удалось. Команда «Воздух!» раздалась одновременно с воем падающих бомб. Прятаться было некуда. Все упали на землю. Вой и визг бомб, взрывы, гарь — все это создавало атмосферу обреченности. Мне казалось, что бомбы летят в меня. Раздававшиеся совсем рядом взрывы еще более убеждали в неизбежном конце. Хотелось вдавиться в землю. Но как? Через несколько мгновений я сообразил, что бомбы взрываются ровными рядами справа и слева, повторяя строй самолетов. Я случайно оказался в полосе между зловещими рядами. Затем наступило некоторое затишье, а вместе с ним появилась уверенность в возможности выжить и выполнить свой долг перед Родиной. Это было мое первое боевое крещение.

Наступление на г. Ржев началось для наших войск неудачно. В первый же день, 30 июля 1942 года пошел проливной дождь, который длился несколько суток. Дороги полностью размыло. Танки застряли в грязи. Самолеты бездействовали. Командование лихорадочно перегруппировывало и перемещало полки и дивизии, пытаясь найти брешь в обороне противника. В результате боевые части оторвались от тылов и трое суток не получали довольствия. Мы, служащие подразделения боепитания, были уверены в обеспеченности подразделений боеприпасами, но все же включились в общие мероприятия по поиску своего 718-го стрелкового полка и снабжению его различными видами довольствия. Обозы по 8—12 подвод отправлялись один за другим. Связь была нарушена. Один из таких комплексных обозов повел я в ночь. В какой-то момент услышал тревожный крик. Обоз остановился. Выяснилось, что на одной из подвод

соскочило колесо. Я назначил старшего и распорядился продолжать движение в намеченном направлении и ждать меня на опушке леса. Сам же остался с поврежденной подводой, помогая ускорить ее ремонт. Когда с неисправностями было покончено, то оказалось, что в темном лесу невозможно сориентироваться: кромешная тьма и несколько дорог. Поехали наугад до опушки леса. На условленном месте никого не оказалось. Как позже выяснилось — все обозы постигла одинаковая участь. С рассветом я стал разыскивать потерявшийся обоз. Заметил две подводы. Это оказались подводы предыдущего обоза, который вел начальник продполка. Мы объединились, выставили вымпел, распрягли двух лошадей и отправились на поиски полка. Лишь во второй половине дня нам удалось разыскать полк, но нас ждала встреча с разгневанным голодным командиром полка майором Моденовым. Он кричал, ругался, угрожал принять меры. Закончилось тем, что он приказал арестовать начальника продполка. Мне же приказал немедленно доставить сюда имеющиеся подводы и раздать по подразделениям все, что на них погружено. Я выполнил приказание, кстати, всего подвод оказалось уже шесть (заплутавшие подтянулись, увидев вымпел).

Однажды нас, начальника артснабжения полка и артиллерийского техника, вызвал к себе начальник штаба и поставил задачу: проверить лично обеспеченность батальонов вооружением и боеприпасами и доукомплектовать в случае необходимости. Время, данное нам на выполнение задачи, было ограничено, т.к. намечалась очередная наступательная операция. Он вывел нас на возвышенное место и показал, где сосредоточились наши подразделения. При этом предупредил, что небольшая роща, которая преграждает нам путь, опасна (там могут находиться немецкие автоматчики). В целях безопасности рощу следует обойти. Мой начальник, Валентин Абросимов, сказал мне: «Чтобы сократить время, пойдем через рощу».

— Ты с ума сошел. Убьют и задание не выполним.

— А если пойдем в обход, тоже не выполним задание, и наша судьба будет зависеть от того, как справятся батальоны со своей задачей.

— Валентин, не упорствуй. Пойдем быстрее или побежим. Или ты струсил?

Услышать такое восемнадцатилетнему юнцу, да еще и от сверстника (мы с начальником были одногодки) было очень обидно. «Пошли», — сказал я. Шли очень осторожно, молча, старались не наступать на сухие ветки. Напряжение нарастало. Вдруг увидели блиндаж, к которому вел траншейный ход. Что делать? Решили так: один с пистолетом и фонариком ползет в блиндаж, другой с автоматом остается наверху. Бросили жребий. Мне выпало ползти в блиндаж. Достал пистолет, попытался сосредоточиться и, не зажигая фонарика, пополз по траншее. На ощупь понял, что добрался до блиндажа. Быстро включил фонарик и готов был немедленно стрелять. Однако блиндаж был пуст. У меня вырвался вздох облегчения. В следующий блиндаж полез Валентин. Рощу миновали благополучно. До батальонов добрались своевременно. Выполнили поставленную задачу и приобрели хороший опыт.

На войне опасно всегда и везде. Конечно, основной риск несут на себе подразделения, действующие непосредственно в атаке и в обороне. Но и другие боевые и не боевые службы несут свою долю опасности, где бы они ни находились. Прежде всего, это артиллерийские батареи и объекты т.н. ближних тылов (штабы, медсанбат, артснабжение и боепитание). Большое значение командование придавало комплектованию частей вооружением. Большие потери оружия в наступательных операциях необходимо было постоянно восполнять, особенно это касалось вооружения поступавших на пополнение маршевых рот. Поэтому в задачу службы боепитания, помимо прочего, входил сбор оружия на поле боя.

Так случилось, что в Зубцовско-Ржевской операции в результате частого перемещения боевых подразделений и постоянной смены направлений по ходу боев образовались большие потери оружия. Артиллерийские и оружейные мастера часто выходили на поле боя во время и после боя и занимались сбором брошенного оружия. Действовали плечом к плечу с санитарями и санинструкторами, помогая им выносить раненых. Кстати, каждого выведенного или вынесенного с поля боя раненого записывали на счет того или иного санитаря, но при условии, что будет вынесено и его оружие. Если приводили раненого без оружия — такого на лицевой счет санитаря не вносили.

Короче говоря, после завершения Зубцовско-Ржевской операции подвели итоги потерь как в живой силе, так в технике и вооружении. Потери были велики. Стали искать виновных. И нашли. Из всех полков самые большие потери вооружения оказались в нашем, 718-м полку. Не вдаваясь в подробности и не выясняя истинных причин, начальника артснабжения Валентина Абросимова арестовали, судили военным трибуналом и присудили 10 лет — стандартный срок. Так как штрафных рот еще не было, его разжаловали в рядовые и послали в стрелковое подразделение соседнего, 609-го полка «искупать вину». Мне было очень жаль ни в чем неповинного человека, но это были законы военного времени. Молодой, восемнадцатилетний офицер, отличавшийся личной храбростью, решительностью и находчивостью, хороший товарищ оказался в роли «козла отпущения». Ответил один за все просчеты и ошибки, которые были в этой довольно неудачной операции.

Забегая вперед, скажу, что он показал себя хорошим бойцом, неплохо воевал. Через какое-то время с него сняли судимость, вернули офицерское звание и назначили начальником артснабжения того же 609-го полка, где он отбывал наказание. Судьба.

Боевые действия на войне сотканы из многочисленных, лишь на первый взгляд, незначительных эпизодов. Один из таких характерных эпизодов произошел в 718-м стрелковом полку в сентябре 1943 года в Калужской области. Наступающим частям преградила путь командная высота немцев. Она играла роль удобного наблюдательного пункта и была хорошо укреплена. Несколько предпринятых попыток захватить эту блокирующую наступление наших частей высоту успеха не имели. Было принято решение: небольшому отряду проникнуть на высоту. Отбрали восемнадцать добровольцев под командованием младшего лейтенанта Порошина. Отряду удалось незаметно подползти к первой траншее противника, забросать их гранатами и захватить первую оборонительную линию. Немцы в панике бежали. Смельчаки воспользовались обстановкой и, преследуя врага, захватили вторую и третью траншеи и, наконец, добрались до сердцевины высоты. Однако немцы быстро пришли в себя, спохватились, что атаковали их малые силы и начали готовиться к

контратаке. Видимо, наши подразделения тоже не верили в столь стремительный успех и где-то промедлили. Их запоздалые действия не смогли развить успех отряда Порошина, и смельчакам пришлось занять круговую оборону. Они смогли отбить несколько контратак противника, поддержанных танками, и сумели продержаться всю ночь, пока почти все не погибли. Из восемнадцати в живых осталось только двое. Один из них, старшина Герасим Лапин, был отброшен взрывной волной в небольшой овражек, поросший кустарником, и потерял сознание. Вероятно, немцы посчитали его убитым и прошли мимо. Он-то и рассказал о подробностях того страшного боя.

Восемнадцать бойцов ценой своих жизней обеспечили продвижение наших частей в заданной полосе. Именно об этом подвиге поэт Михаил Матусовский и композитор Вениамин Баснер написали ставшую известной песню «На безымянной высоте». На братской могиле героев сооружен памятный мемориал. Когда мы ехали на открытие памятника, с нами был и автор слов этой песни Михаил Матусовский. В поезде он написал мало кому известное продолжение этой песни:

Здесь словно чудом сохранилась
С далеких незабвенных дней
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней,

И лес осенний, и высотка, —
Все так, как было в том году.
Мне кажется, что здесь живыми,
Я всех порошинцев найду.

Ошибся, видно, писарь ротный,
Бумажку, выписав свою:
Они и нынче с нами вместе,
И нынче числятся в строю.

Они стоят в своей бессмертной,
В своей нетленной красоте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Эта песня стала впоследствии гимном 139-й Рославльской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии.

На войне приходилось переживать очень много кровавых и трагических эпизодов, большое число порою бессмысленных жертв. Тяжело воспринимать потерю друзей, которые погибали на твоих глазах. Но спустя много лет в памяти всплывают почему-то чаще светлые воспоминания. Даже в тяжелых условиях войны это была жизнь, и она продолжалась. Мы старались ценить каждое ее мгновение. Была любовь, страсть, человеческие переживания, и даже юмор. Люди при всех тяготах военной жизни всегда оставались людьми.

В начале 1944 года 139-я дивизия держала оборону на р. Проня, в районе г. Чаусы в Белоруссии. На этих позициях мы находились почти полгода. Наладился размеренный быт. Хотя мы постоянно и тщательно готовились к большому сражению по освобождению Белоруссии, это была наша основная работа, находилось время и для досуга. Был даже создан свой коллектив художественной самодеятельности. Его костяк составляли девушки-снайперы, специально прибывшие из Московской снайперской школы. Дело в том, что на нашем участке у немцев появились снайперы, которые очень досаждали нашим передовым обороняющимся частям. Наши девушки отличались большой храбростью и удачно справлялись с задачей блокирования немецких снайперов.

Я участвовал в самодеятельности в качестве аккомпаниатора, играл на аккордеоне. На репетиции и концерты заходили офицеры и солдаты, свободные от несения боевой службы. Среди них был командир батальона. Капитан Валентин Фатин. Это был смелый, мужественный опытный офицер. В душе он был романтик. В самодеятельности не участвовал, но в кругу офицеров нередко читал стихи Пушкина и Есенина. Особенно он любил Есенина, и я бы сказал, старался в своем поведении подражать ему. Было в Валентине некое ухарство. Так случилось, что нам нравилась одна девушка, Люся Массальская, и между нами установилось какое-то невраждебное соперничество.

Однажды две девушки, Люся и ее подруга Валя Меркулова, ушли на задание. Как рассказала Валя, они заняли скрытую позицию и долго ждали в засаде, боясь двигаться. Наконец, Люся увидела цель. Раздался выстрел. Немецкий снайпер вскинул

винтовку и упал. Видимо, Люся от радости сделала какое-то неосторожное движение, тем самым обнаружив себя, и тут же была поражена другим немецким снайпером. Валя же, наблюдая эту дуэль, не задержалась с выстрелом и, отомстив за подругу, поразила второго снайпера. Но, увы, Люся была убита.

Я не был на похоронах. Не был и Фатин. На другой день он зашел ко мне в блиндаж, и мы помянули Люсю Массальскую по русскому обычаю. С этого момента началась наша дружба с Фатиным. Когда ему приходилось бывать в ближних тылах, он непременно заглядывал к нам. Я тоже не проходил мимо его блиндажа, когда бывал на передовой.

Летом началось наступление. Главным объектом в нашей полосе был г. Могилев. Фатин со своим батальоном сумел первым форсировать Днепр и ворваться в город. Воспользовавшись трофейными грузовиками, он быстро достиг центра города и оказался, как это позже выяснилось, перед штабом двенадцатой пехотной дивизии немцев. Фатин с несколькими автоматчиками проник в штаб и, угрожая гранатой, принудил командование штаба сдаться. В плен были взяты два генерала (командир дивизии Баммлер и комендант укрепрайона фон Эрдмансдорф), 35 офицеров штаба и большое количество солдат. Конвоировать пленных он поручил нескольким солдатам, но эту группу перехватили конвоиры корпуса, которому была подчинена 139-я дивизия. Это породило несколько версий пленения генералов. Лихие вояки постарались воспользоваться сложившейся ситуацией и присвоили заслугу пленения немецкого штаба себе. Таких самозванцев было несколько. Хорошо зная Фатина, я верю ему. Правда, в то время мы не придавали значения этому эпизоду и о подробностях не разговаривали. В наградном же листе Фатина четко сказано о пленении штаба дивизии, за что Валентину и было присвоено звание Героя Советского Союза. К сожалению, наша дружба вскоре оборвалась: Фатин погиб в бою в июле 1944 года.

Бывали в нашей фронтовой жизни и курьезные случаи. Все в тот же период обороны под Чаусами. В германской армии на этом участке появились шестиствольные минометы, которые периодически обстреливали ближние тылы и приводили к тем или иным разрушениям. Но, на мой взгляд, они больше воздействова-

ли на психику, т.к. полет мин сопровождался душераздирающим звуком, болезненно воспринимавшимся человеческим ухом.

Наш блиндаж был построен добротнo: просторная площадь, амбразура для проникновения естественного света, четыре массивных наката, покрывающие сооружение сверху. Мы уверовали в то, что наш блиндаж неуязвим для немецких мин.

Однажды ночью я внезапно проснулся от мощного взрыва. В первый момент мне показалось, что в блиндаже взорвалась мина — прямое попадание. Мгновенно представил, что на меня летят все эти толстые бревна перекрытия. Но через несколько мгновений я понял, что никаких обрушений нет. Наступила тишина. Я стал способен соображать. В блиндаже оказались двое: я и артмастер Ромашкин (он дежурил в эту ночь). Первая мысль: где же Ромашкин, и почему темно? Я позвал: «Ромашкин». Тишина. Снова: «Ромашкин, где ты? Что с тобой? Ты ранен?». На ощупь я подобрался к Ромашкину, который лежал в углу. Я помог ему подняться. С трудом открыли входную дверь. Проветрили помещение. Зажгли огонь. Ромашкин пришел в себя. Ему повезло: он не был ранен, лишь ушибся при падении. Вот его рассказ.

Ромашкин действительно дежурил по подразделению. Чтобы чем-то себя занять, он стал читать книгу, увлекся. Коптилка — это самодельный светильник, сделанный из артиллерийской гильзы с зажатым в нем куском ткани, выполнявшим роль фитиля и залитый бензином. Такой светильник выделял много копоти, поэтому и назывался коптилкой. На самом интересном месте коптилка стала «садиться». Ромашкин подтянул фитиль. Так повторялось несколько раз. Наконец, он понял, что бензин в гильзе на исходе, и недолго думая взял канистру с бензином и хотел подлить в гильзу бензин (при зажженном фитиле). Естественно, пары бензина из канистры попали на открытый огонь, и раздался сильный взрыв. Взрывной волной Ромашкина отбросило в угол. От испуга и ушибов он не сразу опомнился. Все закончилось благополучно. Теперь мы со смехом вспоминаем этот «несчастный» случай.

Самым запомнившимся эпизодом был, пожалуй, случай с освобождением в г. Могилеве. Мы, группа с оружейными и артиллерийскими мастерами, переправились через Днепр вместе с артиллерийскими подразделениями и утром 28 июня оказались

на одной из окраинных улиц города. Нас поразило отсутствие людей. Куда же все подевались? В течение короткого времени мы поняли, что за нами наблюдают много пар глаз. Почему? Посоветовавшись, мы догадались, что это местные жители, которые боятся выйти из домов. Разгадка оказалась проста. Советские люди, находившиеся долгое время в оккупации, ничего не знали о новой военной форме и никогда не видели ни погон, ни гимнастерок со стойкой и т.д. Тогда мы стали кричать: «Люди, выходите! Мы свои, русские!» Мгновенно распахнулись окна, двери, и на нас хлынула лавина людей. Это был «взрыв» радости. Это был вулкан. Люди бежали к нам с водой, едой, с молоком. Нас окружила плотная толпа. Нас забросала цветами, обнимали, целовали. Это было всеобщее ликование, которое не поддается описанию. Нахлынувшие чувства невозможно было сдерживать. На глазах появились слезы радости, слезы счастья. Когда нам, наконец, удалось вырваться из объятий бурлящей толпы, мы двинулись по своему маршруту. Благодарные местные жители еще долго махали нам вслед руками, платками, а мальчишки сопровождали нас почти на всем пути следования. С тех пор прошло почти 60 лет, но эту встречу я не забуду никогда и каждый раз заново переживаю те ощущения радости, которые владели мной в Могилеве.

Одним из ярких событий войны был также выход на границу Восточной Пруссии. 24 января 1945 года все, кто мог, собрались вблизи пограничных столбов: стрелковые батальоны, артиллерийские батареи, штабы батальонов, службы артснабжения и боепитания. Все, независимо от своей принадлежности, томились в ожидании приказа на переход границы. Наконец, этот далеко не торжественный акт произошел очень буднично, без боя. Мы дали символический залп из ручного оружия и пересекли немецкую границу. Но здесь, на чужой земле, мы открыли для себя необыкновенный порядок. Немцы народ организованный и пунктуальный. В деревнях, в населенных пунктах, несмотря на военное время, царил неведомое нам устройство. Дома ухожены, усадьбы рационально распланированы, во всех подсобных строениях проведено электричество. Мы, технический персонал, в первую очередь обратили внимание на то, что в каждой деревне была своя механическая мастерская, чаще автомобильная. Все инструменты разложены по своим местам.

Каждый винтик, болтик, гаечка и т.д. помещены в отдельные коробочки с непременной надписью, а все коробочки — в специальный шкаф метизов. Никаких отходов, никакого мусора — всему отведено свое место. Нас это поразило. Пехотинцев же это благоустройство мало интересовало. Воспользовавшись передышкой в боях, они настроились на веселый лад. Увидев «диковинные» одежды и невиданные принадлежности туалета, а также изобилие всяческих яств, солдаты веселились, балагурили, куражились. Кто-то натянул на себя фрак с манишкой, кто-то примерял цилиндр, да еще украсил его павлиньими перьями, кто-то облачился в меха, горжетки. Армия потеряла внешний вид, дисциплина упала. Так продолжалось дня два, пока не вышел строгий приказ командующего фронтом К.К. Рокоссовского, потребовавшего немедленного наведения порядка. Авторитет Рокоссовского был столь высок, что в тот же час армия вернулась в свой надлежащий строй, и, пожалуй, именно авторитет командующего, а не строгость приказа сыграли в этом главную роль.

Полки привели в надлежащий порядок, и дивизия продолжила свой наступательный поход. Впереди был «польский коридор», главный порт на Балтике г. Данциг и граница центральной Германии.

Берлинская операция началась для нашей дивизии на реке Одер. В середине апреля 1945 года в дивизии был проведен партактив, на котором выступил член Военного Совета фронта генерал Сычев. Смысл его речи сводился к следующему: союзные войска наступают с Запада в направлении Берлина, не встречая серьезное сопротивление противника. Для нас будет большим позором, если мы не опередим их. Настрой был задан умело, и мы приложили все силы для скорейшего и успешного проведения операции по окружению и разгрому вражеской берлинской группировки.

Одер очень неудобная река. Она разделена на два параллельных рукава, как бы на две реки. Общая ширина водного поля достигает 3—4 км. Для переправы использовали все возможные средства: плоты, лодки, понтоны, отдельные деревянные предметы. Где-то переходили в брод. Стремительность наступления диктовала необходимость ближним тылам идти вплотную к передовым подразделениям. 26 апреля 1945 года сложнейшая водная преграда была преодолена. Наши войска прорвали обо-

рону врага, укрепленную на дамбе противоположного берега, и захватили г. Шведт.

Дальнейшее продвижение по германской земле не представляло серьезных трудностей, противник оказывал слабое сопротивление. Все чувствовали приближение конца войны, и делали все возможное для наступления этого момента.

3 мая 1945 года мы вошли в город Грабов, где встретились с союзниками, английскими войсками. Это объединение войск замкнуло кольцо вокруг Берлина. Для нашей дивизии Великая Отечественная война на этом закончилась. Другие части продолжали разгром окруженной группировки до момента безоговорочной капитуляции германской армии.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Журавлев Дмитрий Андреевич**, студент 3-го курса Московского авиационного института.